

НОВЫЕ КНИГИ О ДВОЙНИЧЕСТВЕ

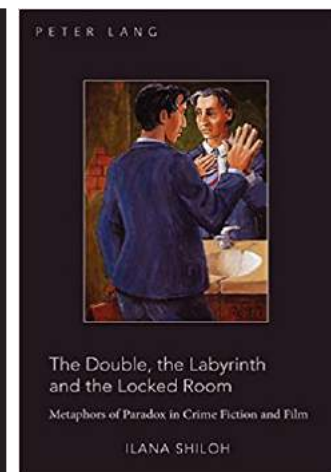
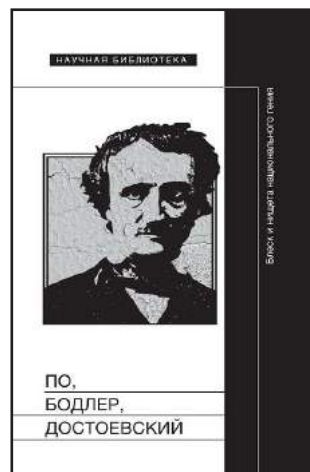
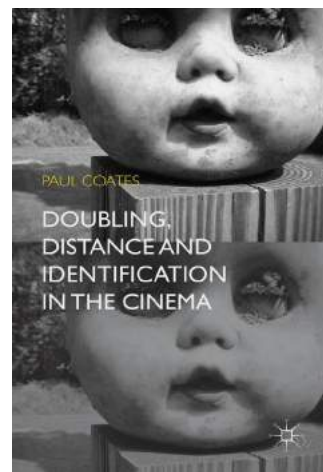
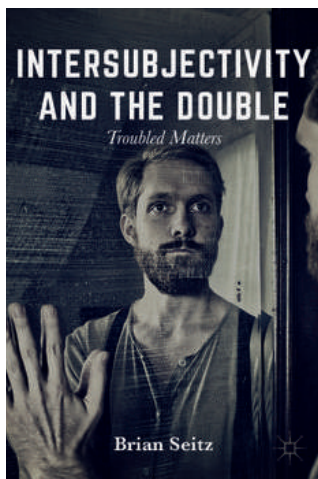
Ольга Анатольевна Джумайло

доктор филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: o.dzhumaylo@gmail.com

Аннотация. Обзор научных работ по двойничеству охватывает основные тенденции в исследованиях последних десятилетий. Особое внимание уделяется недавно опубликованным монографиям, в которых использована комбинация исследовательских подходов (психоанализ, феноменология, когнитивные исследования, компаративные исследования в литературоведении и др.), применяемых к материалу художественной литературы, текстам современной популярной культуры и кинематографа, писательским репутациям, рассмотренным в компаративной перспективе: По, Бодлер, Достоевский. Блеск и нищета национального гения / Коллективная монография; сост., вступ. статья А. Уракова, С. Фокин (2017); Shiloh I. *The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film* (2011); Coates P. *Doubling, Distance and Identification in the Cinema* (2015); Seitz B. *Intersubjectivity and the Double. Trouble Matters* (2016).

Ключевые слова: двойничество, двойник, расщепленное «Я», субъект модерна.

Известный исследователь феномена двойничества в литературе К. Миллер, создавший фундаментальный труд “Doubles” (1987), не раз признавал, что не может быть удовлетворительного краткого определения двойничества [Miller]. Действительно, двойничество легко опознается и все более активно эксплуатируется в культуре последних столетий, но не становится устойчивым мотивом, не предлагает исследователью спасительную комбинацию формул сюжетов, положений-мотивов, тропов и топов, способных пополнить картотеки последователей А.Н. Веселовского. Причина этому – рождение двойника как субъекта модерна, проблематизировавшего «Я» и его познавательные возможности. В контексте современной эпохи двойничество исследовано достаточно полно и с учетом разных аспектов, включая психоаналитический, исторический, антропологический и собственно литературоведческий. Знаменательно, что ученые дают максимально широкое понимание феномена (от бинарности и повторов разного рода до выделения «альтер-эго», обнаружения реляций, указывающих на подобие / противопоставленность двух разных персонажей, трансгрессию, проявленность двух сторон одной и той же личности, возможность множественного «Я» и т.д. и т.п.).

Несомненна связь двойничества с традициями романтиков, которые обратились к неоднозначной духовной ипостаси лич-

ности, воплотившейся в двойнике. Как известно, само слово ‘doppelgänger’ впервые появилось в 1796 г. благодаря немецкому романтику Жан-Полю и его роману «Зибенкэз» (“Siebenkäs”) в ответ на философию «Я» Фихте. Поиск «Я» и бесконечная игра идентичностями в романах Жан-Поля сопровождается невероятным разнообразием художественных средств удвоения, среди которых портрет, отражение, силуэт, маска и мн.др. Пафос фундаментальной работы К. Миллера – демонстрация все возрастающей значимости идеи неопределенности и нестабильности «Я» в культурном самосознании европейца, нашедшей воплощение в феномене двойничества. Ученый прослеживает мотив двойничества в текстах последних двухсот лет – от готической классики Хогга, Льюиса, Мэтьюрина через великих романтиков, Китсову «негативную способность», сексуальную амбивалентность литературы *fin de siècle* до параноидальных текстов современности и песен Джона Леннона. Кроме узнавания себя в двойнике и признания собственной дружки, Миллер обращает внимание на иррациональность, лежащую в основании картины мира романтика, в разной степени параноидальной и сверхъестественной сюжетике происходящего как фундаментального принципа бытия и психологических процессов. Кроме того, трактуя двойника как образ сироты в его крайнем воплощении, К. Миллер утверждает, что «самым ярким

проявлением последнего становится <...> стремление к бегству. Причем это может быть и парение в трансцендентальных сферах, и исчезновение» [ibid.: 48]. Значима для нас мысль ученого о мотиве высвобождения «Я» из состояния скованности. Эта идея находит аргументацию в работах К. Халлама и А. Энци, связывающих появление двойников в тексте и последовательное развитие в нем тем самопознания [Hallam]. Английская литературная традиция двойничества с опорой на готику и романтизм представлена в недавнем исследовании Л. Драйдена [Dryden], а трансатлантический двойник – в монографии Дж. Хердман [Herdman].

Генезис феномена двойника и его развитие в немецкой литературе также обозначен Э. Уэббером в монографии **“The Doppelgänger”** (1996) в связи с кантианским кризисом у Клейста, концепцией «Я» Фихте и ее критикой у Жан-Поля, теориями магнетизма и толкованием сна Шуберта в произведениях Гофмана. Э. Уэббер подчеркивает особый интерес к визуализации «Я» как Другого (autoscopic, self-seeing) уже у Жан-Поля, а также к изменению режима говорения, последовательному речевому расстройству, в результате которого двойник повторяет, искажает, пародирует, сводит на нет речь «Я», специфической амбивалентности сексуального опыта как опыта вуайеристского и телесного одновременно, сложным, часто парадоксальным отношениям власти между эго и альтер-

эго, мотиву нарушения двойником пространственных законов и связей, зловещему возвращению, бесконечной повторяемости событий, разрушению идиллического пространства дома и семьи. Среди поэтических приемов, во многом становящихся эмблемой морока самосознания и болезненной субъективности, выделяется также *mise-en-abyme*.

В дальнейшем двойничество находит себя в готическом возрождении конца XIX в., поэтическом реализме Дросте-Хюльсхофф, Келлера, Шторма, модернизме Кафки, Рильке, Гофмансталя, Шницлера, Майнринка и Верфеля. Появляясь в художественных контекстах реализма, натурализма или экспрессионизма, двойник претерпевает разную степень объективации, вызывает различные эстетические эмоции – от агонии отчаяния до самоиронии, однако сохраняет свою парадигму базовых черт.

Э. Уэббер опирается на исторические труды Г.Г. Шуберта **“Die Symbolik des Traumes”** (1814), О. Ранка **“Der Doppelgänger”** (1914), Фрейда **“Das Unheimliche”** (1919), Вейнингера **“Geschlecht und Charakter”** (1903), непосредственно посвященные двойничеству как проекции, сексуальной трансгрессии и отчуждению. В монографии появляются любопытные рассуждения о текстах Фонтане, Гейне, Музиля, Гессе.

Монография Д. Вардулакиса **“The Doppelgänger: Literature’s Philosophy”** (2010) скорее продолжает тенденцию, начатую

К. Миллером и Э. Уэббером, но с акцентом на философско-теоретических аспектах. Книга обращена к феномену двойничества с позиции онтологии субъекта, отношений между субъектом и субъективностью и осмысляет метафору двойника как раннюю концептуализацию современных философских подходов к субъективности. Исследование свободно комбинирует контексты интеллектуальной истории, философии и литературоведения.

Так, по мнению ученого, двойник появляется как опровержение концептуальной разлученности субъекта и субъективности. Иными словами: сводится ли «Я» лишь к присутствию? Сводится ли «Я» лишь к абсолюту? И то, и другое ставится под сомнение при появлении двойника. Так двойник в литературе был спровоцирован философскими размышлениями о субъекте, который присутствует (физически) и отсутствует (как субъект саморефлексии).

В первой главе Д. Вардулакис обращается к художественным текстам Жан-Поля. При этом автор реконструирует контекст дискуссий вокруг понятия абсолютного «Я» у Фихте и, в особенности, критическое письмо Якоби философу, которое во многом повлияло на концепцию Жан-Поля и позволило ему предложить свою собственную аргументацию в понимании взаимоотношений «Я» и Бога посредством фигуры *doppelgänger*. Последний становится тем вместилищем субъективного

и универсального опыта, которое позволяет разрушить дихотомию автономного «Я» Фихте, лишённого индивидуального опыта, и отдельного единичного опыта существования. Более того, только литература с ее образной системой, а не философия способна разрешить эту задачу. Второй целью автора становится показ того, что двойник – это всегда культурно-историческая конструкция субъекта.

В последующих главах Д. Вардулакис обращается к модернисту Георгию Пападиамантесу и его роману «Убийца» (“The Murderess”), за которым следует сопоставление художественных концепций Жан-Поля и Мориса Бланшо; обнаружение новых граней феномена двойничества при осмыслении романа Аласдера Грея «Бедные-несчастные» (“Poor Things”) с использованием теоретических находок В. Бенямина и критических работ, посвященных творчеству Кафки.

Вместе с тем установка на актуальность романтических трактовок двойничества применительно к современной литературе и культуре ныне оспаривается. Так, Г. Слетойг в работе “**The Play of the Double in Postmodern American Fiction**” (1993) указывает на то, что двойничество использовалось еще в античности (дуальные мифологические системы, близнечные мифы и пр.), и с тех пор обнаруживает «невероятную живучесть и способность к рекомбинированию» [Slethaug: 8]. Выступая как теоретик, Г. Слетойг

также признает, что вопреки попыткам категоризировать и классифицировать случаи двойничества в литературе нового времени, феномен продолжает оставаться «двойственным, диалогическим, избегающим означивания» [ibid.]. Слейтойг принципиально выделяет двойничество в постмодернизме из традиции функционирования мотива. «<...> Постмодернисты превратили двойника из “альтер-эго” в иронический литературный прием, разрушающий представления о существовании мировой гармонии, изначальной дуальности бытия, целостности психической жизни или устойчивого смысла. Понятие двойника утратило связь с традиционными литературоведческими и психологическими трактовками и ныне вписывается в постструктуралистские критические модели Лакана, Барта, Фуко и Деррида, которые исследуют и часто отвергают представление о бинарной организации “Я”, социальных моделей и языка» [ibid.: 30]. Таким образом, по мысли ученого, литература до постмодернизма использует образ двойника, чтобы утвердить гуманистическую концепцию стабильного «Я» и целостной культуры. Эстетика двойничества оказывается привлекательной как раз в силу обнаруживаемого первоначального страха перед утратой личностного единства и последующего избавления от ужаса неопределенности. Постмодернистская идеология, напротив, отрицает единство «Я», связность реальности и присутствие в системе

персонажей определенных значений. Двойник литературы постмодернизма призван «подтвердить расщепление знака, расщепление “Я” и расщепление текста» [ibid.: 3], ибо нет и не может быть «психологической целостности, как нет устойчивых отношений между означающим и означаемым» [ibid.: 5]. По замечанию исследователя, ни фрейдистская, ни юнгианская критика не работают на материале постмодернистской литературы, образы которой обретают смысл лишь в контексте игры означающих. В этом отношении интересно, что фрагментация и декомпозиция в сюжетах о двойничестве выступают как реакция на невозможность целостного и непротиворечивого представления о сложном целом, невозможность семиозиса.

Свободная от реконструкций исторического контекста и сложных теоретических построений монография К. Беркмен **“The Drama of the Double”** (2016) выносит на первый план мотив поиска «Я», трактуя его весьма широко. Книга предлагает классический мифопоэтический подход к текстам, в которых возникают аллюзии к образам Эдипа, Нарцисса, Диониса, Ореста и Деметры. Мифопоэтический подход позволяет автору проследить функционирование двойника и проницаемость границ «Я» как в романах (Конрад), драматургии (Ибсен, О’Нил, Беккет, Пинтер, Мамет), так и в кинематографе (“Jules and Jim”, “Taxi Driver”).

Подобный перенос отдельных элементов

модели двойничества (если таковая существует вообще) на разнообразный материал современной культуры находим и в монографии И. Шило **“The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film”** (2011). Автор обращается к популярному жанру детектива в литературе и кинематографе, сразу же оговаривая его потенциал для создания высокохудожественных текстов: Годар, Вендерс, Альтман писали и снимали триллеры, Набоков, Роб-Грийе и Борхес создавали детективы. Первичной моделью для размышлений о семантике двойника в детективе становится новелла Э. По «Похищенное письмо», в которой Дюпон стремится мыслить так, как мыслит преступник. Воображаемое двойничество приводит и к расщеплению «Я» детектива. Парадоксальность двойника заключается в самом факте тождественности и отличности от Другого. Автор обращается также к хрестоматийным новеллам «Убийство на улице Морг», «Вильям Вильсон» и «Человек толпы», в которых лейтмотивные образы двойничества указывают на возможности и ограничения рационального вопрошания.

Теоретической базой в книге И. Шило

избран классический труд О. Ранка о двойничестве, в котором случай героев По предстает в одном ряду с персонажами Достоевского, Стивенсона, Уайльда и двойниками романтиков с «видимым расщеплением эго». Психологическая (невротическая и нарциссическая) основа личности в сюжете о двойничестве активно дает о себе знать в криминальных поступках героя, спровоцированных страхом и виной. Герой проецирует свои эмоции на двойника и снимает с себя ответственность за разрушительные действия в его отношении. Это легко осуществимо благодаря тому, что травматическая или стыдная история наконец отчуждена и может быть подвергнута «беспристрастному» анализу¹. Однако при этом двойничество может быть найдено в мотивах отражения в зеркале, тени, а также неожиданных чертах сходства с другими персонажами.

В последующих главах на материале романов, короткой прозы и отдельных фильмов автор исследует метафоры двойников, лабиринта и закрытой комнаты, связывая их с самим когнитивным процессом расследования и даже герменевтическим опытом чтения и интерпретации. Отсюда соотнесение «Я» и

¹ У Ранка основной функцией двойника («тени») становится возможность переноса вины [Rank]. Предложенный рядом исследователей психоаналитического направления путь трактовки частотного мотива двойничества как проявления раздвоения психики автора, нарциссической травмы и разного рода фрустраций см. в обобщающем труде “A Psychoanalytical Study of the Double in Literature” [Rogers]. «Готическая составляющая» в трактовке двойничества часто приводит исследователей к обнаружению связей между появлением двойника и самообманом, виной, «глубоко спрятанными страхами и атмосферой зловещих и сверхъестественных явлений» [Schmid: 15].

другого (двойника), рефлексивный процесс кружения (лабиринт) и столкновение с тайной (закрытое недоступное пространство комнаты как метафора поражения). В романах М. Данилевского (“House of Leaves” и “The New York Thrilogy”) и П. Остера обнаруживаются все указанные элементы. Кроме того, И. Шило выявляет несколько типов двойничества. Первый характеризуется классическим «крутым детективом» “The Maltese Falcon” (1930) Хэммета и связан с двойной жизнью персонажа. Другой тип представлен психологическим триллером “The Talented Mr. Ripley” (1956) Хайсмит, в котором психологическая подоплека и криминальный сюжет со сменой идентичности приводят к ироническому осуществлению американской мечты. Третий случай двойничества предлагается на материале фильма Нолана “Memento” (2000), в котором рассказчик и герой, страдающий атероградной амнезией, стремится разгадать, какой из двойников ложный.

Работа американского философа **Б. Зайтца** “**Intersubjectivity and the Double. Trouble Matters**” (2016), в своих исследованиях уже обращавшегося к двойнику Достоевского на материале «Преступления и наказания», «Двойника», «Записок из подполья» и «Сна смешного человека», на сей раз представляет двойника как метафору знания как такового. Небольшая по объему монография оставляет впечатление крайне амбициозного, но

разрозненного текста, неуспешно подражающего французскому интеллектуальному курсу и характерным для него эффектными метафорам. Так, к примеру, двойник – это не только само зыбкое знание и интерес субъективности во плоти, он выступает на исторической сцене подобно балетным образам, данным в статике (iconographies, stills) и сюжетной динамике (choreographies, character relations). И т.д. и т.п.

Не ограничиваясь философским или художественным дискурсами, выходя (подчас весьма неожиданно!) к психологии, мифологии, культурным практикам, политической теологии (Христос в интерпретации Канторовича через посредничество Фуко) и политической культуре (случай конфедерации ирокезов), Б. Зайтц утверждает, что онтология двойника зиждется на разрушении бинарности оппозиций и проявляет себя как нечто бесконечно динамичное и амбивалентное. К примеру, по логике ученого, политический народный избранник неизбежно сталкивается с вопросами о том, является ли его публичное поведение выражением его подлинного «Я», или это актерское представление интересов условного «Я» его коллективного избирателя. Сама миссия делегата несет импульс двойничества. Парадоксальность ситуации, отмеченной автором, состоит также в том, что политический двойник-представитель народа должен выражать интерес среднего избирателя, при этом демонстрируя черты

личностной исключительности и экстраординарности. По мнению Б. Зайтца, практика репрезентации (двойственная в своей сути), будь то деяния и тело Христа, короля, парламентария, сенатора, советского босса, и т.д., как правило, сопровождается созданием нарратива. В качестве первых примеров историй о двойничестве исследователь приводит сказания ирокезов, в том числе о Гайавате.

Исследование представляется не столько аргументированным размышлением о двойничестве, сколько малоустойчивым конструктором из разнообразных кейсов, ранее представленных Б. Зайтцем в отдельных статьях об интрасубъективности. Ирокезы соседствуют с философией Платона, Канта, Гуссерля и Сартра. За чертом Достоевского легко следуют архаические двойники Фрейда, описываемые с опорой на классические работы «Тотем и табу» и «По ту сторону принципа удовольствия». Феноменология Другого преподносится в знакомых экзистенциальных и феноменологических декорациях, впрочем, при участии модного понятия “gaze” (зд.: взгляда Другого, объективирующего «Я»). М. Бахтин в списке источников значит, однако, известная «исповедь с оглядкой» и «исповедь с лазейкой», близкие по значению к описываемому феномену взгляда, не упоминаются.

Известный своими работами по поэтике и языку кинематографа **П. Коуц** в своей новой монографии “**Doubling, Distance and**

Identification in the Cinema” (2015) развивает наблюдения на материале фигур двойничества в кино. В отличие от работы Зайтца, основной тезис автора обладает несомненной актуальностью: хаптика (как научная и прикладная дисциплина об осязании и прикосновении) в ее психологических, технических, философских и художественных аспектах позволяет осмыслить значение двойника. Иными словами, двойничество, удаленность / приближение в пространстве и проблематизация идентичности в кинематографе тесно связаны друг другом в аспекте перцепции. Технические возможности кино съемки (смена планов, функции увеличения изображения, композиция кадра по принципу *mise-en-abyme* и пр.), монтажа и воспроизведения образа (новые технологии 3D) дают киноязыку огромный потенциал разрушения границ внутреннего и внешнего, реверсивности и двусмысленности происходящего одновременно «здесь» и «там». Двойники рассматриваются как проекции «Я» с невероятно мощным хаптическим эффектом и оказываются учрежденными в «реальности». Привлечение аффективных теорий по-новому акцентирует функционирование двойничества в современной культуре и становится основой для междисциплинарного синтеза подходов, предлагаемых феноменологами, когнитивистами, историками культуры, о необходимости которого прямо заявляет автор.

Технология 3D, к примеру, использован-

ная Базом Лурменом при создании «Великого Гэтсби», оправдывается эстетически и концептуально стремлением прикоснуться к тому, что уже не может быть осязаемым. Использование технических средств, вопреки классическому тезису В. Беньямина о связи технологий и апелляции к массовому зрителю, используется режиссерами авторского кино Вернером Херцогом, Мартином Скорсезе и Вимом Вендерсом. Размывание единичного и устойчивого на множество виртуальных фантазмических «Я», имеющих отнюдь не призрачный облик, а, напротив, становящийся все более видимыми и осязаемыми, знаменует триумф неолиберального выбора, нахождения во власти реификации и симулятивности.

Монтаж, смещение и замещение ближних и дальних планов отсылает П. Коута к революционному искусству Эйзенштейна, а через него – к «Темницам» Пиранези, указывающих на морок самонахождения одновременно «здесь» и «там». В основе представляющий собой феноменологическое исследование кинематографических образов, текст П. Коута апеллирует к отдельным идеям психоанализа и когнитивистики (М. Кляйн, социопсихологическая концепция Р. Жирара), рассматривает двойника как проекцию «Я». Особо интересны в этом отношении размышления автора о воспроизведении фантазмического опыта переживаний персонажа посредством теней, зеркал и эффектов зеркальности в раз-

личных пространственных конфигурациях. Любопытны пассажи об «увеличительном стекле» (magnifying glass), «головокружении» (vertigo-effect), «фетише» (fetish), «спирали» (spiral), «рамочных конструкциях» (re-framing). Визуальная составляющая рассматривается в категориях цвета и его отсутствия как регистров близости и удаленности, зеркальности и эффектов отражения.

При том, что П. Коут прибегает к систематизации типов двойничества (визуальное подобие фантастического образа двойника, открыто демонстрирующее расщепленное «Я»; визуальная разуподобленность фантастического образа двойника, метафорически указующая на скрываемое расщепленное «Я»; реалистическое подобие двойника, имеющего другой характер, и помещенного в мелодраматический сюжет; реалистическое подобие двойника, полностью объясняемое сюжетным действием), его интересуют случаи, сложные концептуально и предстающие в небанальных визуальных решениях. Среди классических текстов, подробно иллюстрирующих идеи П. Коута: «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса, «Небо над Берлином» Вима Вендерса, «Две или три вещи, которые я знаю о ней» Жана-Люка Годара, «Великий Гэтсби» База Лурмана, «Головокружение» Альфреда Хичкока, «Двойная жизнь Вероники» Кшиштофа Кислевского, «Разговор» Фрэнсиса Форда Копполы.

Классический кинематограф представлен

также фильмами «Страсти Жанны д'Арк» (1928) Дрейера, «Гильда» (1946) Видора, «Моя дорогая Клементина» (1946) Форда и др., каждый раз с интригующими трактовками психологии двойничества и киноинструментария, направленного на создание специфического опыта переживания. К примеру, в «Любовном настроении» (2000) Карвая невозможность любви персонажей (фактически предлагающих себя в качестве двойников, замещающих собой их неверных супругов) трактуется как разочарование вследствие изначальной физической близости в пространстве, показанной многочисленными крупными планами и разрушающей фантазмическую природу потенциального чувства.

Вышедшая в издательстве «Новое литературное обозрение» коллективная монография **«По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения»** (2017) любопытна с точки зрения своеобразного двойничества заявленных в заглавии писателей. Пожалуй, именно двойничество, мыслимое как бесконечный повтор в зеркальном отражении *mise-en-abyme*, в котором силуэт гения и маргинала угадывается, но каждый раз в немного новом ракурсе и освещении, лучше всего характеризует замысел книги и рассматриваемых сближений между По, Бодлером, Достоевским.

Отсутствие цельного, когерентного субъекта, рефлексивное и образное выражение переживания о расколотости «Я» предстает

у По, Бодлера и Достоевского в поразительных типологических параллелях, сюжетных и образных совпадениях, сходных нарративных стратегиях, создающих художественные миры, пронизанные фанастическим, перверсивным и демоническим. Иными словами, речь каждый раз идет не столько о прямом влиянии По, Бодлера и Достоевского друг на друга, сколько о создании ими автономных художественных систем, в которых рождается субъект модерна.

И все же текстологические справки и комментарии по поводу биографических и рецептивных аспектов сближения По, Бодлера и Достоевского представлены, помимо введения, в масштабных статьях авторов-составителей монографии А. Ураковой и С. Фокина. При этом речь идет и о фактах знакомства с сочинениями и / или литературной репутацией друг друга собратьев по перу, и о фактах рецепции их творчества в истории литературы и литературной критике (По сквозь призму Бодлера и Барбе д'Оревилли и др.; истоки и формы бытования национальных мифов о писателях; культурный трансфер, превратности перевода, темы и вариации жизнестроения «национального гения»). Предпринятая двадцатью пятью авторами монографии сборка биографических сюжетов и расследований (например, «русский эпизод» По), многочисленных интригующих документов эпохи, включая переписку писателей и их современников,

позволила переосмыслить генеалогию фантастического экстремального опыта, изображенного в их сочинениях. А реконструкция непосредственных интеллектуальных контекстов эпохи продемонстрировала и заострила философско-психологическую рефлексию, стоящую за фантастикой и перверсией По, Бодлера и Достоевского и предлагающую новую онтологию субъекта.

Метафора судьбы национального гения, по мысли авторов-составителей, связывается с городским пространством фантастического города (Петербурга и Парижа), в котором «проклятый поэт», фланер, «старьевщик» в грезах и наяву познал «нищету писательского удела, все время низводящего поэта с романтических высот на грешную землю, превращающего его в червя, в люмпен-интеллектуала или старьевщика от литературы, вечно грозящую ему “черной Сибирью”, и роскошный блеск литературного признания, как правило, запоздалого, по-смертного или незамеченного» [По, Бодлер, Достоевский...: 29]. Маргинальный статус поэта и его специфическая перверсивность сообщают ему способности «сталкера» в познании страшных, подчас фантастических, глубин «Я» и пророка в ироническом прозрении и поэтическом развоплощении реальности. Именно новые культурные смыслы субъекта модерна, квинтэссенцией которого становятся По, Бодлер и Достоевский, связывают голоса поэтов и писателей,

говорящих на разных языках и лично не знакомых друг с другом, в полифоническое единство идейных и образных переключек (в особенности подробно, в компаративной оптике, рассмотрены в монографии урбанистические образы, аффективные состояния, образы птиц).

Помимо двойничества гениальных По, Бодлера и Достоевского как биографических образов, отчасти романизированных в литературной истории, во второй главе рецензируемой монографии авторы обращаются собственно к поэтике сюжетов о двойничестве и образам с ним ассоциируемыми. Так, на разнообразном материале прозаических и поэтических жанров, в присутствии текстов других представителей цеха (Жан-Поль, Малларме, Джеймс, Ницше, Георге, Рильке и др.) анализируются демонические персонажи (бесы, черти) и двойники, а также частотные орнитологические образы (ворон, лебедь, альбатрос, гриф, галка, дятел и т.д.).

Возникающие в поразительно сходных художественных декорациях и, подчас, в репертуарной роли, данные сюжеты и образы все же указывают на неисчерпаемость концептуальной нюансировки двойничества (как правило, в соотношении с образом лирического «Я» самого поэта), власти воображения и амбивалентности, всякое клише отрицающих.

Литература

По, Бодлер, Достоевский. Блеск и нищета национального гения / Коллективная монография; сост., вступ. статья А. Уракова, С. Фокин. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Burkman, K. (2016). *The Drama of the Double*. New York: Palgrave Macmillan.

Coates, P. (2015). *Doubling, Distance and Identification in the Cinema*. New York: Palgrave Macmillan.

Dryden, L. (2003). *The Modern Gothic and Literary Doubles: Stevenson, Wilde and Wells*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Hallam, Cl. (1981). *The Double as Incomplete Self: Toward a Definition of Doppelganger' // Fearful Symmetry: Doubling in Literature and Film*. Ed. by Eugene J. Crook. Tallahassee, 1981, 1-33.

Herdman, J. (1990). *The Double in Nineteenth-Century Fiction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Miller, K. (1987). *Doubles*. Oxford: Oxford University Press.

Rogers, R. (1970). *A Psychoanalytic Study of the Double in Literature*. Detroit: Wayne State University Press.

Rank, O. (2009). *Double: A Psychoanalytic Study*. North Carolina: University of North Carolina Press Enduring Editions.

Seitz, B. (2016). *Intersubjectivity and the Double*. Trouble Matters. New York: Palgrave Macmillan.

Shiloh, I. (2011). *The Double, the Labyrinth*

and the Locked Room. *Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film*. New York: Peter Lang.

Schmid, A. (1996). *The Fear of the Other. Approaches to English Stories of the Double (1764-1910)*. Bern: Peter Lang.

Slethaug, G.E. (1993). *The Play of the Double in Postmodern American Fiction*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

Vardoulakis, D. (1996). *The Doppelganger: Literature's Philosophy*. New York: Fordham University Press.

Webber, A. (1996). *The Doppelganger*. Oxford: Oxford University Press.

References

Burkman, K. (2016). *The Drama of the Double*. New York: Palgrave Macmillan.

Coates, P. (2015). *Doubling, Distance and Identification in the Cinema*. New York: Palgrave Macmillan.

Dryden, L. (2003). *The Modern Gothic and Literary Doubles: Stevenson, Wilde and Wells*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Hallam, Cl. (1981). *The Double as Incomplete Self: Toward a Definition of Doppelganger' // Fearful Symmetry: Doubling in Literature and Film*. Ed. by Eugene J. Crook. Tallahassee, 1981. P. 1-33.

Herdman, J. (1990). *The Double in Nineteenth-Century Fiction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Miller, K. (1987). *Doubles*. Oxford: Oxford University Press.

Rogers, R. (1970). *A Psychoanalytic Study of*

the Double in Literature. Detroit: Wayne State University Press.

Rank, O. (2009). *Double: A Psychoanalytic Study*. North Carolina: University of North Carolina Press Enduring Editions.

Seitz, B. (2016). *Intersubjectivity and the Double. Trouble Matters*. New York: Palgrave Macmillan.

Shiloh, I. (2011). *The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film*. New York: Peter Lang.

Schmid, A. (1996). *The Fear of the Other. Approaches to English Stories of the Double*

(1764-1910). Bern: Peter Lang.

Slethaug, G.E. (1993). *The Play of the Double in Postmodern American Fiction*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

Urakova A., Fokine S. (Eds.) (2017). *Poe, Baudelaire, Dostoevsky. Splendour and poverty of national geniuses [Collective monograph]*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Vardulakis, D. (1996). *The Doppelgänger: Literature's Philosophy*. New York: Fordham University Press.

Webber, A. (1996). *The Doppelgänger*. Oxford: Oxford University Press.

NEW BOOKS ON DOUBLENES

Olga A. Dzhumaylo, PhD, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
email: o.dzhumaylo@gmail.com.

Abstract: The review explores the last decades' scholarship devoted to doubleness and doppelganger motif. The main focus is on the recently published monographs, in which original combination of the research approaches is introduced (psychoanalyses, phenomenology, cognitive sciences, comparative literary studies, etc.). The selected research papers are aimed at comparative analyses and interpretation of literary texts, popular film and culture, and writers' reputations: Poe, Baudelaire, Dostoevsky. Ed. by A. Urakova, S. Fokine (2017); Shiloh I. The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film (2011); Coates P. Doubling, Distance and Identification in the Cinema (2015); Seitz B. Intersubjectivity and the Double. Trouble Matters (2016).

Key words: doubleness, the Doppelganger, divided self, modernity subject.

